

ВАЛЕНТНЫЕ СВОЙСТВА РУССКИХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЁН ЭМОЦИЙ

SUBCATEGORIZATIONAL PROPERTIES OF RUSSIAN DEVERBAL PSYCH-NOMINALS

А.Г. Пазельская

Всероссийский Институт Научной и Технической Информации (ВИНИТИ РАН), Москва

avis39@mail.ru

Работа посвящена разным способам оформления Стимула у русских отглагольных существительных со значением эмоции. Для объяснения источников и распределения доступных возможностей необходимо привлечение разных типов информации о значении и ролевом устройстве исходного предиката: валентной, акциональной, тематической.

1. Постановка задачи

Уже довольно давно и не однажды было замечено, что во многих языках имена существительные, соотносящиеся с предикатами эмоционального состояния, оформляют свои зависимые не так, как имена, образованные от глаголов физического действия. Это явление особенно ярко проявляется в тех случаях, когда исходные предикаты оформляют своих участников одинаково (см. Jespersen 1924). Уникальные свойства эмотивных существительных часто служили основанием для построения и проверки гипотез о синтаксическом и семантическом устройстве отглагольных имён в целом, а также предикатов эмоций — см., например, Belletti&Ricci 1988, Grimshaw 1990 и Chung 1998 для английского языка, Rozwadowska 1988 и 2000 для польского, Kelling 2002 для французского.

Естественным образом, эти различия связывались с тем, что ситуации физического действия и глаголы эмоций имеют разные наборы участников — физическое действие совершается Агеном над Пациентом, а в ситуации эмоции присутствуют Стимул и Экспериенцер (см., в частности, обзор в книге Rozwadowska 1997). Считается, что одинаковое оформление таких разных ролей при глаголе — своего рода случайность, а в отглагольном существительном эта глубинная, семантическая разница становится поверхностно наблюдаемой.

Русские имена эмоций также не раз рассматривались с этой точки зрения (см., например, Шахматов 1941, Падучева 1974). Наиболее занимала лингвистов асимметричность между предикатами эмоций, с одной стороны, и глаголами физического действия, с другой стороны, показанная в примерах (1-2):

*Петя строит дом — строительство дома
Петей (1)*

*Петя любит Машу — любовь Пети к Маше
(2)*

Исследователи зависимых имён эмоций как в русском, так и в других языках интересовались преимущественно оформлением и структурной позицией Экспериенцера, правомочностью причисления его к т.н. внешним аргументам (в смысле Grimshaw 1990, Kratzer 1996). Однако, как мы собираемся показать, изучение способов оформления Стимула при именах эмоций также может дать весьма интересные результаты — по крайней мере, для русского языка.

2. Способы оформления Стимула

Действительно, при ближайшем рассмотрении оказывается, что русские имена эмоций в основном одинаково выражают Экспериенцера (генитивным либо притяжательным дополнением). Однако при оформлении Стимула эмотивные существительные демонстрируют большее разнообразие, чем обычно считается. Помимо показанной в предложении (2), имеются, по крайней мере, следующие возможности:

Винительный — Родительный:
*пророк предчувствует беду — предчувствие
(пророком) беды (3)*

Дательный — Родительный:
*люди радуются мщению — у людей <...>
возникает некая радость мщения [Известия,
2001.09.12] (4)*

Дательный — Творительный:
*изумляться собственным озарениям —
Смычка правды с вымыслом осуществлена
через изумление собственными озарениями
[А. Найман] (5)*

из-за+Родительный — Творительный:
*он огорчается из-за невозможности этого —
И личное, почти дружеское огорчение
невозможностью этого. [М. Веллер] (6)*

Дательный — к+Дательный:
*Мы сострадаем тем, кого они оставили. —
Пусть, как свечи, горит в нас сострадание к
тем, кого они оставили [Антоний (Блум),
митр. Сурожский] (7)*

Творительный — к+Дательный:
*Фотограф интересуется индустриальным
ландшафтом — Но в них не столько пафос,
сколько интерес фотографа к
индустриальному ландшафту. [Известия,
2002.07.21] (8)*

Творительный — за+Винительный:
*Россияне гордятся своей страной — он на
гордости россиян за свою страну <играет>
[Беседа в Москве (2003.01.21)] (9)*

Родительный — за+Винительный:
*Он стыдится поражения — он не вынес
стыда за поражение и выпил яд.
[А. Лавренова] (10)*

Кроме того, существует множество имён,
оформление Стимула в которых соответствует
оформлению Стимула при соответствующем
глаголе, например:

бояться собак — боязнь собак (11)

*раскаяться в грехах — раскаяние в грехах
(12)*

*сожалеть об утраченном — сожаление об
утраченном (13)*

*восхищаться живописью — восхищение
живописью (14)*

Такие случаи, как и контраст между примерами типа
(1) и (2), были замечены и описаны ранее (см.
например, Rappaport 2002).

Примеры (7-8) также практически не
представляют неожиданности: отглагольное имя
выражает Стимул при помощи предлога *к* с
дательным падежом, как это характерно для
вышерассмотренных имён эмоций типа *любовь* —
даже несмотря на то, что исходный глагол имеет
отличное от переходного управление.

Примеры (9-10) демонстрируют поведение,
являющееся отличительной чертой данной узкой
тематической группы существительных — имён
«этических» эмоций, связанных с тем, как
Экспериенсер видит себя и связанные с собой
явления глазами третьих лиц.

Пример (3) иллюстрирует тот факт, что
некоторые предикаты и имена эмоций ведут себя
полностью аналогично наименованиям физических
действий: винительный падеж приглагольного
участника преобразуется в родительный при
существительном. Помимо имени *предчувствие*, так
ведут себя слова, которые можно назвать родовыми
для всего класса эмоций: *чувство* и *ощущение*.
Такое поведение имён эмоций требует отдельного
объяснения, как и родительный падеж Стимула при

имени *радость* в (4), примыкающем к ним по
своему поведению.

Также дальнейшего объяснения требует способ
оформления Стимула из примеров (5) и (6) —
творительный падеж без предлога, при дательном
падеже или предлоге *из-за* с родительным падежом
при глаголе. Так оформляют Стимул имена эмоций,
имеющих внешний источник: *удивление, огорчение,
изумление*.

Поиску возможных источников и объяснению
распределения родительного и творительного
падежа Стимула при именах эмоций посвящены
оставшиеся части работы.

2.1. Родительный падеж

При ближайшем рассмотрении родительный падеж
Стимула при именах эмоций оказывается крайне
непродуктивным: он ограничен не только
небольшим количеством существительных, но и
узким множеством возможных кандидатов на роль
Стимула.

Для разных слов из этой группы есть разные
причины такого поведения. Слова *чувство* и
ощущение являются своего рода пограничными для
тематических зон эмоций и восприятия: ср.
чувствовать холод (восприятие) — *чувствовать
гнев* (эмоция). Однако именно в эмоциональном
значении их можно считать обобщающими
понятиями для своего тематического класса. Ср.
(15)-(16):

— *Он что-нибудь почувствовал?*

— *Да, он обрадовался. (15)*

— *Он что-нибудь почувствовал?*

— *?? Да, он увидел вора, подкрадывающегося
к дому. (16)*

Глаголы *чувствовать* и *ощущать* в
эмоциональном употреблении сочетаются только с
наименованиями других эмоций, являясь своего
рода полувспомогательными глаголами для
эмотивных существительных (в смысле
Виноградов 1994), или *light verbs* (в англоязычной
традиции, восходящей к Jespersen 1954):

*ощутить гнев — *ощутить прекрасную игру
(ср. восхищаться прекрасной игрой) (17)*

*почувствовать волнение — *почувствовать
сказки (ср. любить сказки) (18)*

Что касается слов *радость* и *предчувствие*, то
для них невозможно указать столь же чёткий
критерий, которому должно удовлетворять
генитивное зависимое¹. Тем не менее, они также
имеют довольно узкий, практически
идиоматизированный набор возможных зависимых,
и выход за пределы этого набора если и не
ощущается как неправильность, то, во всяком

¹ См., однако, анализ сочетаемости имени
предчувствие в Урысон 1998.

случае, воспринимается как сильно маркированный, ср. (19)-(20), (21)-(22):

предчувствие беды / несчастья / любви (19)

²*предчувствие далекого коварства* [Ф. Искандер], ²*предчувствие его реформаторства* [А. Васильев] (20)

радость жизни / встречи / бытия (21)

²*радость выигрыша / присутствия* (22)

Как со словами *чувство* и *ощущение*, так и со словами *радость* и *предчувствие*, мы наблюдаем довольно сильные ограничения на генитивное зависимое, имеющие в одном случае семантическую, а в другом — идиоматическую природу. Такая ограниченность сочетаемости имён эмоций со Стимулом в родительном падеже вместе с тем фактом, что эта сочетаемость характерна в первую очередь для наиболее общих названий эмоций, приводит к выводу, что в данном случае мы имеем дело не с родительным актанта, как в *строительство дома*, а с некоторым другим значением родительного падежа. Это значение близко к выделявшемуся в различных работах по русскому (и не только русскому, см. Nikiforidou 1991, Partee 1997, Partee & Borschev 1998, 2000, Jensen & Vikner 2002) родительному падежу значению отличительной черты, как в словосочетании *человек высокого роста*. Генитивное дополнение такого типа вводит в рассмотрение характерный признак, выделяющий называемый предмет среди многих ему подобных, создающий особый вид внутри обозначаемого вершинным именем рода.

Действительно, *радость жизни*, *радость победы* — это своего рода фиксированные, типизированные разновидности радости, *ощущение счастья*, *чувство вины*, *предчувствие беды* — характерные варианты соответствующих эмоций, зависимое существительное в данном случае указывает скорее не на источник эмоции, а на её характер (см., впрочем, Иорданская 1970 о семантическом соотношении между источником эмоции и сущностью эмоционального состояния). Поэтому генитивное дополнение в данном случае стоит признать не наследником прилагательного участника Стимула, а относительно независимым от него указанием на разновидность эмоционального состояния, конкретизирующим имя эмоции².

2.2. Творительный падеж

Для объяснения возможности оформления Стимула творительным падежом при именах эмоций нам нужно обратиться к ещё одной хорошо известной

² Что, однако, не отменяет вообще наличие аргументов у имён эмоций, см. обсуждение вопроса о валентностях отглагольных имён в Рахилина 2000: 314-316.

проблеме, связанной с предикатами эмоций — к проблеме соотношения между предикатом эмоционального состояния (23) и его каузативной парой (24)³:

Петя огорчился / огорчается из-за поведения Маши. (23)

Маша огорчила / огорчает Петю своим поведением. (24)

С морфологической точки зрения, каузативный и эмоциональный предикаты различаются морфемой понижения переходности *-ся*, обычно имеющей декаузативное или рефлексивное значение (см. Падучева 2001). Общеизвестно, что отглагольные существительные в русском языке не различают залоговых значений и способны соотноситься сразу с несколькими залоговыми формами: *строительство дома* — *дом строится* или *дом строят*, *одевание Васи* — *Вася одевается* или *Васю одевают*.

Соответственно, логично ожидать, что отглагольные имена эмоций, образованные от предикатов с *-ся*, имеющих исходный каузативный предикат без *-ся*, будут иметь как эмотивное, так и каузативное значение. Однако, ни одно из имён эмоций не может обозначать каузативной ситуации: *огорчение Пети* соотносится только с *Петя огорчается*, но не с *Маша огорчает Петю*. Каузатор эмоционального состояния даже не может быть вписан в актантную рамку имени эмоции: **огорчение Пети Машей*⁴. При этом имена эмоций оформляют Стимул так, как если бы они соотносились не с эмотивным, а с каузативным предикатом: *огорчение Пети Машиным поведением*² из-за *Машиного поведения*. Творительный падеж в каузативном предложении вполне законен: Стимул оказывается своего рода инструментом Каузатора; не до конца ясно только, почему имя наследует своих участников от предиката, обозначающего не ту же ситуацию, а некоторую другую, связанную с ней.

В принципе, существует ещё один возможный источник творительного падежа Стимула при именах эмоций. Эмоциональные предикаты имеют ещё один вариант диатезы, когда Стимул занимает

³ См. Падучева 2004: 278-284, Grimshaw 1990, Pesetsky 1995.

⁴ В предложениях типа (24) часто усматривают не три отдельных участника, Экспериенцер, Стимул и Каузатор, а лишь Экспериенцера и результат расщепления Стимула на две синтаксических позиции: *Поведение Маши огорчает Петю* — *Маша огорчает Петю своим поведением* (о расщеплении валентностей см. Кибрик 2000). Нам это представляется не совсем адекватным из-за того, что в роли Стимула может выступать и участник, никак не связанный с Каузатором: *Маша огорчила Петю этим известием*. ≠ *Это известие Маши огорчило Петю*.

позицию подлежащего, а Экспериенцер — прямого дополнения:

Машино поведение огорчило Петю. (25)

Можно предположить, что именно такие предложения являются исходными для имён эмоций; тогда получится, что выражение валентностей отглагольных имён эмоций подчиняется тем же законам, что и оформление зависимых существительных физического действия, подобных (1): аккузативное дополнение становится генитивным либо притяжательным, а подлежащее переходит в творительный падеж⁵.

Эта гипотеза абсолютно верно предсказывает, что имена, соотносящиеся с предикатами, не имеющими каузативных пар, такие как *любовь*, *боязнь*, *уважение* не допускают и Стимула в творительном падеже: **боязнь собак Петей*, *??уважение Пети Машей*. Однако она также допускает и творительный Стимула при имени *интерес*: действительно, поскольку можно сказать *Петю интересуем лингвистика*, должно быть возможно также и совершенно недопустимое **интерес Пети лингвистикой*. Это вынуждает нас отказаться от данной гипотезы в пользу первоначального предположения о происхождении имён эмоций от каузативного предиката. Диатезы, подобной представленной в (24), с подлежащим-Каузативом, не имеют не только все те предикаты, которые не имеют диатезы с подлежащим-Стимулом (25)⁶, но и глагол *интересовать*:

**Машино интересуем Петю лингвистикой. (26)*

Таким образом, остаётся только принять гипотезу, что имя эмоции производится от каузативного глагола, наследуя два внутренних аргумента, Экспериенцера и Стимул, и отбрасывая Каузатива.

Кроме того, нужно также отметить, что имя всегда имеет статальное значение, притом что исходный предикат, как в каузативном, так и в эмотивном вариантах, может обозначать как состояние, так и начало этого состояния, в зависимости от вида глагола (23)-(24). Всё это позволяет предположить, что рассматриваемые имена эмоций являются не именем ситуации в собственном смысле слова, а названием результирующей ситуации, т.е. именем результата ($S_{рез}$ в терминологии модели Смысл ↔ Текст, см.

⁵ Конкретные детали синтаксического преобразования находятся за рамками данной работы.

⁶ Контрпримером может показаться слово *стыд*: можно сказать *Машино стыдит Петю*. Однако, как представляется, здесь слово *стыдит* уже будет не глаголом каузатива (быть может, невольной) эмоционального состояния, а глаголом речевого воздействия — в отличие от *Машино огорчает/восхищает Петю*.

Апресян 1974/1995, Мельчук 1974/1999, result nominal в терминах Grimshaw 1990). Специфичность имён этого класса состоит в том, что в ситуациях, которые они обозначают, результат также является ситуативным и потому сохраняет релевантных участников исходной ситуации, частично вместе с их оформлением.

3. Заключение

Мы рассмотрели разные способы оформления Стимула при русских отглагольных существительных со значением эмоции. Оказалось, что, во-первых, число таких способов несколько больше, чем принято думать, и, во-вторых, разные способы мотивированы по-разному.

Действительно, оформление Стимула предлогом *за* с винительным падежом оказалось мотивировано тематической принадлежностью имени. Выражение стимула родительным падежом зависит от соотношения имени эмоции с другими словами своей группы (т.н. «formal qualia role» в Pustejovsky 1995), а именно, от того, что имя эмоции является родовым термином для нескольких наименований эмоций.

Распределение же между Стимулом в творительном падеже и другими способами его оформления, включая наиболее продуктивную и характерную для эмоций стратегию *к + дательный падеж*, как оказалось, зависит от синтаксических характеристик исходного предиката, а именно, возможных его диатез. При этом сравнение ролевых и аспектуальных (акциональных) характеристик имени и возможных кандидатов на роль исходного предиката позволяет предположить, что имя соотносится не с эмотивным, а с каузативным предикатом, и притом называет не ту же ситуацию, что и предикат, но её результат⁷.

Список литературы:

- 1) Апресян Ю.Д. Лексическая семантика // М.: Языки русской культуры, 1974/1995
- 2) Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Индрик, 2000. С. 277-288.
- 3) Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных // Ответственный редактор Н.Ю. Шведова. М.: Толк, 1994.

⁷ Исследование проведено на материале базы данных по русским отглагольным существительным, любезно предоставленной автору Е.В. Рахилиной и О.Н. Ляшевской. При подборе примеров использовался Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). Автор благодарит также рецензента «Диалога» за содержательные замечания.

- 4) Иорданская Л.Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства. // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1970. Вып. 13. С. 3-26.
- 5) Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей Смысл \Leftrightarrow Текст // М.: Языки русской культуры, 1974/1999.
- 6) Кибрик А.Е. Внешний посессор как результат расщепления валентности // Слово в тексте и в словаре: сб. статей к семидесятилетию Ю. Д. Апресяна. Под ред. Л.Л. Иомдина, Л.П. Крысина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 434-446.
- 7) Падучева Е.В. О семантике синтаксиса // М.: Наука, 1974.
- 8) Падучева Е.В. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русский язык в научном освещении, 2001. №1, с. 52-79.
- 9) Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики // М.: Языки славянской культуры, 2004.
- 10) Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость // М.: Русские словари, 2000.
- 11) Урысон Е.В. Несостоявшаяся полисемия и некоторые ее типы // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36.
- 12) Шахматов А.А. Синтаксис русского языка // М.: Наука, 1941.
- 13) Belletti A., Rizzi L. Psych-verbs and θ -theory // Natural Language and Linguistic Theory, 1988. №6. P. 291-352.
- 14) Chung T. English Psych Verb Constructions and -Er Nominals // Korean Journal of Linguistics, 1998. №4. P. 723-741.
- 15) Grimshaw J. Argument Structure // MA: MIT Press, 1990.
- 16) Jensen P.A., Vikner C. The English Prenominal Genitive and Lexical Semantics. Invited paper presented at the Workshop on the Semantics/Syntax of Possessive Constructions. University of Massachusetts at Amherst, 2002.
- 17) Jespersen O. Philosophy of Grammar // London: George Allen and Unwin, 1924. — русский перевод: Есперсен О. Философия грамматики // М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
- 18) Kelling C. The encoding of information in morphological units: evidence from French psych verbs and their corresponding deverbal nominals // Abrégés du 3ème forum de morphologie 19-21 Septembre 2002, Lille. P. 28-29
- 19) Kratzer A. Severing the External Argument from its Verb // Phrase Structure and the Lexicon. Eds. J Rooryck, L Zaring. Dordrecht: Kluwer, 1996. P. 109-137.
- 20) Nikiforidou K. The meaning of the genitive: A case study in semantic structure and semantic change // Cognitive Linguistics, 1991. №2. P. 149-205.
- 21) Partee B.H. Genitives — A case study // Appendix to Theo M.V. Janssen: Compositionality, The Handbook of Logic and Language. Ed. J. van Benthem and A. ter Meulen. Elsevier, 1997. P. 417-473.
- 22) Partee B.H., Borschev V.B. Integrating Lexical and Formal Semantics: Genitives, Relational Nouns, and Type-Shifting // Proceedings of the Second Tbilisi Symposium on Language, Logic and Computation. Ed. R. Cooper, Th. Gamkrelidze. Tbilisi: Center on Language, Logic, Speech, Tbilisi State University, 1998. P. 229-241.
- 23) Partee B.H., Borschev V.B. 2000. Genitives, relational nouns, and the argument-modifier distinction // ZAS Papers in Linguistics 17. Eds. C. Fabricius-Hansen, E. Lang, C. Maienborn. Berlin: Zentrum für Allgemeine Sprachwissenschaft, Sprachtypologie und Universalienforschung, 2000. P. 177-201.
- 24) Pesetsky D. Zero syntax // Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- 25) Pustejovsky J. The Generative Lexicon // Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- 26) Rappaport G.C. On the adnominal genitive and the structure of noun phrases in Russian and Polish // Linguistique et Slavistique. Melanges offerts a Paul Garde. Eds. M. Guiraud-Weber, C. Zaremba. Paris, 1992. P. 241-262.
- 27) Rappaport G. The slavic noun phrase in comparative perspective // Comparative Slavic morphosyntax. Ed. G. Fowler. Bloomington: Slavica publishers, 2002.
- 28) Rozwadowska B. Thematic Restrictions on Derived Nominals // Syntax and Semantics 21: Thematic Relations. Ed. W. Wilkins. San Diego, CA: Academic Press, 1988. P. 147-66.
- 29) Rozwadowska B. Towards a unified theory of nominalizations. External and internal eventualities // Wroclaw, 1997.
- 30) Rozwadowska B. Event Structure, Argument Structure and the by-phrase in Polish Nominalizations // Lexical Specification and Insertion. Eds. P. Coopmans, M. Everaert, J. Grimshaw. Amsterdam; Philadelphia, 2000, P. 329-347.